

Современный Детектив

Наталья Александрова

В ОБЪЯТЯХ убийцы

Наталья Николаевна Александрова

В объятиях убийцы

Серия «Детектив-любитель

Надежда Лебедева»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=443235

В объятиях убийцы: АСТ; Москва; 2008

ISBN 978-5-4283-2577-5

Аннотация

Жизнь Марины неожиданно изменилась. Еще вчера мужчины ее не замечали, а сегодня сразу двое добиваются ее внимания: славный безобидный переводчик Алик и преуспевающий молодой политик Максим. Кажется, Алик ей нравится больше, но почему он так странно себя ведет? Почему вокруг него один за другим гибнут люди?

Не ожидает ли такая судьба саму Марину? Эту сложную криминальную загадку может решить только детектив-любитель Надежда Лебедева.

Содержание

* * *

Конец ознакомительного фрагмента.

4

77

Наталья Александрова

В объятьях убийцы

Был чудесный майский вечер. Я возвращалась домой со дня рождения моей близкой подруги. Возвращалась, естественно, не одна, не потому что я уж такая красавица, что все мужчины в очередь стоят, чтобы проводить меня домой, а просто в наше время молодой женщине одной поздно вечером ходить по улицам небезопасно. Я посмотрела на своего спутника. Его мне буквально навязала мать моей подруги, как будто того, кто шел со мной рядом, можно было рассматривать в качестве защитника. Хотя дело, разумеется, было совершенно не в этом.

Мне двадцать семь лет, и я потенциальная старая дева, так утверждает моя старшая сестрица. Выдать меня замуж родственники уже потеряли всякую надежду, теперь они мечтают просто кого-нибудь мне найти. Некоторые люди очень пекутся о личной жизни своих близких, стараются ее устроить, хотя никто их об этом не просит. Мало мне родственников, так еще знакомые стараются подсудобить кого-нибудь. Вот как сегодня.

Моя подруга старше меня на два года, жила себе прекрас-

но, работала, сама она художник, но мать ее была просто одержима идеей выдать дочку замуж, хотя сама всю жизнь прожила одна. И вот пожалуйста, в этом году пристроила-таки мамаша мою Ирку. Нашла ей какого-то из провинции, говорит, что писатель, а кто на самом деле – черт его разберет. Сидит целыми днями дома и пишет роман. Уже три года над ним работает, наверное, хочет «Войну и мир» переплюнуть. Иркина мамаша сама удивилась, как это у нее получилось – тридцатилетнюю дочь выдать замуж, страшно себя зауважала и все силы направила на меня. Ну, не могут люди спокойно смотреть, когда человеку хорошо!

Я присмотрелась к своему спутнику. Однако неужели со мной дело обстоит так плохо, что они уже не стесняются подсовывать мне такое? Во-первых, он был жутко толстый, рыхлый какой-то, болезненного вида. Во-вторых, одет в джинсовый костюм – лоснящийся, мятый и вообще не первой свежести. Длинные сальные волосы свисали на воротник, маленькие глазки еле виднелись из-за заплывших жиром щек. Дышит тяжело, еще бы, такую тушу таскать, небось не меньше ста килограммов весит!

Ну и кавалер! Отвортаясь не наглядеться. А вид имеет недовольный, в мою сторону и не смотрит, злится, что провожать заставили. Ну я с ним быстро разберусь. От метро позвоню домой, попрошу, чтобы Славка меня встретил, заодно с Лолитой погуляет. А этого спроважу, пусть себе шлепает домой. Однако надо хоть разговор с ним завязать, а то

неудобно – идем и молчим. Как же его зовут-то? А ведь нас представляли друг другу – именно представляли, потому что в семье моей подруги царит культ воспитания и хороших манер. Так как же его зовут? Вспомнила – Алик! Такой толстый – и Алик.

– Скажите, а Алик – это Олег или Алексей?

– Альберт, – ответил он мне сквозь зубы, усмехаясь.

«Ах вот ты как? Еще хамить мне будешь, жиртрест несчастный! Ну, подожди у меня, сейчас я тебе устрою!»

Я радостно засмеялась, взяла его под руку и даже прижалась плечом.

– Подумать только, какое редкое имя! У меня еще никогда не было знакомого молодого человека, которого звали Альберт. Артур был, Евстигней был, даже Ромуальд один был, а вот Альберта не было.

Он посмотрел на меня со злостью, хотел уже сказать что-то обидное, но я глядела на него абсолютно пустыми глазами и глупо улыбалась. В свое время перед зеркалом я долго училась так смотреть и преуспела. Очень полезное умение – кто обидит дурочку? В худшем случае покрутят пальцем у виска и отойдут. А кто-то просто пожалеет.

Этот Алик тоже решил, что я просто непроходимая дура, и не стал связываться. Мы подошли к троллейбусной остановке, Алик с тоской смотрел на дорогу, но троллейбуса не было видно.

– Алик, а вам разве не на метро ехать?

– На метро, – вздохнул он.

– Так пойдемте пешком до метро, тут две остановки, вечер такой чудесный, тепло совсем, скоро черемуха расцветет. Вам что больше нравится: сирень или черемуха?

Я тараторила, не давая ему вставить ни слова, а сама тянула его прочь от остановки. «Вот, не будешь хамить, тоже мне, «Альберт!» Запомнишь ты этот вечерок надолго!»

Он между тем смотрел на меня с ненавистью, но руки не вырывал и шел за мной покорно, как баран на бойню.

– Ах, скажите, Альберт, у вас не бывает весной какого-то такого чувства, что вот вам хочется бежать куда-то без оглядки или полететь высоко в небо... – Тут я решила, что, пожалуй, перегнула палку, и осторожно скосила глаза.

У него на лице я прочитала сильнейшее желание немедленно бежать от меня без оглядки далеко-далеко, но перед этим придушить меня тут же, на месте. Мне вдруг стало скучно, я замолчала и даже отпустила его руку. Мимо проехал троллейбус. Одну остановку мы прошли молча, мне расхотелось над ним издеваться. В конце концов, я вовсе не просила его меня провожать, он мог вежливо отказаться, сказал бы, что спешит, а хамить-то зачем?

Вдалеке показалось здание метро, я прибавила шагу, мой спутник тоже приободрился и уже не так мрачно сопел. И в это время откуда-то сбоку вывернула компания подвыпивших парней. Они горланили песни, попивали пиво и были в чудесном настроении.

– Эй, сало, дай закурить! – миролюбиво обратились они к моему спутнику.

Алик покраснел, но шел молча, не поворачивая головы. Они поравнялись с нами и продолжали громко обсуждать фигуру моего спутника, его вес и походку. Потом они добрались до меня. Я не толстая, ноги у меня не кривые, особенно бросающихся в лицо недостатков на фигуре и физиономии не имею, поэтому парни только прохаживались насчет того, удобно ли мне в постели с таким толстяком, и давали советы.

Обычное такое хамье, пэтэушники-отморозки. Таких даже в бандиты не возьмут, потому что там нужны накачанные мускулы, а у этих и того нет. Абсолютно бесполезные существа, а вреда от них масса.

Очевидно, в этот раз парни были в не очень агрессивном настроении, нам повезло. Я уже думала, что все как-нибудь обойдется, как вдруг последний из парней, самый маленький и противный, подскочил к Алику, дернул его за руку и заорал:

– Сказано тебе, дай закурить! – и добавил несколько матерных слов.

– Пошел вон! – прошипел Алик и выдернул руку.

Не знаю, зачем он это сделал, вернее, почему – то ли у него уже не хватило терпения слушать все эти гадости, то ли этот маленький гаденыш не внушал ему больших опасений, но так или иначе Алик вырвал руку и даже оттолкнул его. Тот удержался на ногах и вдруг выхватил нож. Я сначала не

поняла, что это нож, потому что лезвие было выпускное, парень просто вытащил из кармана какую-то штуку, и вдруг блеснуло лезвие. К тому времени вся компания уже отошла, мы стояли втроем на пустой улице. Я испугалась: ведь у этого мерзавца нет ни мозгов, ни совести – запросто может пырнуть ножом и убежать. И никто его не найдет. А если все-таки найдут и посадят, то так и пойдет сидеть не задумываясь – как я говорила, мозгов-то нет!

Парень направил нож на Алика и пошел на него, шипя сквозь зубы ругательства. Алик стоял на месте, не делая попытки убежать или защититься. Просто стоял и смотрел прямо перед собой. В глазах у него была тоска, но не страх.

Наверное, все же не так просто подойти и ударить ножом спокойно стоящего человека, потому что парень несколько замешкался и огляделся по сторонам. Его приятели шли себе спокойно довольно далеко и не смотрели в нашу сторону. Очевидно, это спасло Алику жизнь, потому что если бы кто-нибудь наблюдал за этим недомерком, он обязательно ударил бы ножом, чтобы доказать всем, какой он крутой. Но раз никто его не видел, то парень застыл в нерешительности, и в это время я поспешила вмешаться. Ненавижу этих мерзавцев! Я открыла сумочку и спокойно сказала:

– Да оставь ты его. Тебе закурить надо, так я дам, а у него все равно нет.

Парень полуобернулся в мою сторону, Алик в это время чуть пошевелился, эта сволочь тут же обернулся к нему с

криком:

– Стой, где стоишь, падла! Я с тобой еще не закончил.

Как видно, наше поведение слегка его смущало. Он ожидал, что я буду кричать, плакать и звать на помощь, а Алику умолять его о пощаде. Он нас не понимал, а от этого злился и не знал, как себя вести.

– Ну так надо тебе закурить или нет? – Я держала руку в сумочке и сделала два шага в его сторону.

Он повернулся ко мне всем телом, и тогда я выхватила из сумочки баллончик, направила ему в лицо и аккуратно нажала кнопку. Парень как-то ахнул и грохнулся на асфальт.

Баллончик этот принес мне Славка, муж моей сестры. Я просила у него настоящий пистолет, но он сказал, что я тогда перестреляю полгорода, ведь он знает, как я ненавижу это хулиганье. Поэтому он принес мне баллончик, который действует с помощью ультразвука. Там весь секрет в том, чтобы направить баллончик точно на поражаемый объект. Тогда достигается максимальный эффект и вокруг никто не страдает.

Этот недомерок шлепнулся на асфальт, нож выпал у него из рук и ударил Алику по ноге. Тот очнулся от своего столбняка, присел, потрогал ногу, зачем-то взял в руки нож и нажал кнопку. Лезвие убралось. Тут я услышала свист и топот. Очевидно, кто-то из приятелей нашего гаденыша оглянулся и заметил, что тот лежит на земле. Теперь они неслись на выручку.

– Бежим! – Я схватила Алика за руку, другой рукой подхватила его пакет, там были какие-то книги, и мы понеслись к станции метро. Понеслись – это, конечно, преувеличение. Этот толстяк, разумеется, был не способен пробежать быстро и пяти метров... Через три минуты он начал задыхаться, пот градом катился у него по лицу. Нет, с таким никуда не убежишь. Хорошо, что парни успели отойти от нас довольно далеко, а то бы нам несдобровать. У метро людей было побольше, но парней ведь это не остановит. Алик совсем замедлил ход.

– Ну не останавливайся, а то нам кранты, – прикрикнула я, – жизни тебе не жалко, что ли?

Он побежал, но было видно, что из последних сил. Двери метро были совсем близко. Я оглянулась и с облегчением заметила, что парни решили погоню не продолжать. Мы влетели в двери метро, народу в холле было немного, у контроля скучал милиционер. Слава Богу! Хотя он нам уже не был нужен. Алик прислонился к колонне, ему было плохо. Он был не то чтобы красный, а какого-то темно-малинового цвета. Тетенька на контроле подошла к нам:

– Что, сердце?

– Наверное, я не знаю. Вы разрешите нам где-нибудь посидеть?

– «Скорую» вызвать? – Это подошел милиционер.

– Не-не надо, – прошептал Алик, – сейчас отдышусь.

– Пойдемте, я вам валидол дам.

Контролерша провела нас в служебное помещение, принесла воды и лекарство. Я намочила платок и обтерла Алику лицо и шею.

– Так лучше?

– Да. Спасибо.

– Валидол под язык положите.

– Да не надо валидол, сердце у меня здоровое. – Видя, что я невольно окинула взглядом его фигуру, он тихо добавил: – Это не от сердца.

Мне стало стыдно – и так человека все дразнят, да тут еще я напомнила. Но если он так переживает, то взял бы себя в руки и похудел.

– Как вы себя чувствуете? Идти можете?

– Да, пожалуй, можно идти.

С разрешения сердобольной тетеньки из метро я позвонила домой по их служебному телефону и попросила Славку встретить меня с последнего поезда. Мы поблагодарили работников метро за отзывчивость и поехали.

Через две станции мне надо было переходить, а Алику ехать дальше. Вид у него был получше. Но я чувствовала, что он мучается морально. Ну тут уж я вряд ли смогу ему помочь.

– Алик, вы там от метро далеко живете?

– Да нет, рядом. Скажите, зачем вы со мной возитесь? Ведь я втравил вас в эту историю, не сумел промолчать...

Я встала, готовясь выходить.

– Простите меня, Алик. Мне хотелось вас подразнить. Если бы не моя дурацкая выходка, мы бы не пошли пешком и не встретили бы этих парней. К счастью, все обошлось. Всего доброго. – И я поскорее вышла, пока он не успел ничего сказать.

Славка ждал меня, как всегда, абсолютно спокойный, а Лолита ужасно недовольная. Она уже хорошо погуляла в девять часов вечера, пообщалась со своим приятелем, рыжим коккером Гошей, поужинала, посмотрела телевизор и собиралась ложиться. Как вдруг хватают и ведут куда-то, на ночь глядя. Да еще и с поводка не спускают, хотя зачем свобода, если ни одной порядочной собаки в это время на улице нет. Бегают только бездомные шавки, а Лолита у нас девушка воспитанная, дружит только с собаками из приличных семей.

Лолита – средний персиковый пудель. Она очень хорошенькая и знает себе цену.

– Привет, ребята!

Лолита посмотрела на меня равнодушно.

«А-а, это ты, – казалось, говорил ее взгляд, – попозже приехать не могла?»

– Славик, извини, тебе завтра на работу рано, я не думала, что так задержусь.

– Да ладно, пойдем. Ну как, хорошо погуляла?

– Просто замечательно!

Он промолчал. Дома все спали, ведь был уже час ночи.

На следующий день была суббота. Я поспала бы подольше, но в нашей семейке такое невозможно. У нас большая четырехкомнатная квартира. Живет в ней пять человек. Казалось бы, можно свободно разместиться и не мешать друг другу, но у нас как-то не получается. По утрам, когда я собираюсь на работу, ванная всегда занята – матушка принимает ванну с апельсиновыми корочками. Она не доверяет фабричной косметике, покупает огромное количество апельсинов, потом заваривает сухие корочки и добавляет отвар в ванну. Таким способом она обогащает кожу витамином С. И кремы для лица она prepares сама из натуральных продуктов, поэтому холодильник весь заставлен баночками. Славка однажды спросонья намазал что-то такое на бутерброд и почувствовал неладное, только когда его съел. Потом мы пытались дознаться у матушки, что же там такое было в этом креме и не отравится ли ее зять, но она вспомнить не могла, а бумажку с рецептом куда-то затеряла. В тот раз все обошлось. Только сестрица орала на матушку, чтобы она прекратила смешить людей или хотя бы держала баночки у себя в комнате, а то когда-нибудь ее дочь останется без мужа. Матушка, разумеется, не промолчала и высказалась в том смысле, что если бы сестра вставала пораньше и сама готовила мужу завтрак, то ничего бы не случилось. И что если сестрица и дальше будет продолжать спать по утрам, то действительно останется без мужа. И никакие кремы тут ни при чем.

Против обыкновения я в тот раз согласилась с матушкой. Обычно у меня на все есть свое собственное мнение, которое никогда не совпадает с мнениями матери и сестры.

Наш отец умер десять лет назад, когда я заканчивала школу. Мы остались втроем, вернее, вчетвером, потому что сестра уже была замужем. Первый раз она выскочила замуж сразу после школы, в восемнадцать лет, у нее была потрясающая любовь с восьмого класса. Почти сразу после скоропостижной смерти нашего отца сестра с мужем развелись, но эти события друг с другом никак не связаны. Вообще-то Славка у нее третий. А от второго мужа, которого она подцепила в институте, у нее дочь Дарина, по-простому Дашка.

Именно Дашка с Лолитой устроили возню возле моей двери в то субботнее утро. Я долго крепилась, но потом встала, открыла дверь и рявкнула на них:

– Вы что, другого места не могли найти? Обязательно здесь, у двери, надо шуметь!

Лолита обиделась и ушла, а Дашка немедленно заорала, как будто ее режут:

– Бабушка!

Явилась матушка, благоухающая апельсинами после ванной, увидела готовую зареветь Дашку и патетически воскликнула:

– Ты не любишь детей! Господи, в кого ты у нас такая?!

Я оставила ее реплику без ответа и быстренько проскочила в ванную, пока еще кто-нибудь не влез, но напрасно вол-

новалась, потому что Славка ушел на работу, а сестрица с утра умотала в парикмахерскую. Славка работает в какой-то государственной конторе, работает много, даже по субботам. Сестра ужасно недовольна, она говорит, что его работа не соответствует его зарплате. Тут она, конечно, права, но сейчас почти у всех так.

Сама моя сестрица, умница и красавица, закончила сначала английскую школу с золотой медалью, потом иностранное отделение института им. Герцена с отличием, знает два языка, не считая, разумеется, родного, и работала переводчицей. Потом, уже при Славке, она устроилась в фирму, там надо было все время возиться с иностранцами – встречать их, всюду сопровождать. Сестра стала возвращаться поздно ночью, а я с интересом ждала реакции Славки. Не знаю, что он ей сказал, скандала мы с матерью не слышали, но через месяц сестра эту работу бросила, сейчас она работает в совместной фирме. Я Славку очень заужала.

Стоя под душем, я раздумывала, чем бы сегодня заняться. Если пойти подольше погулять с Лолитой, то обязательно навяжут Дашку, а поскольку мы с ней с утра уже успели повздорить, то ничего хорошего из этого не выйдет – она будет капризничать и дуться. Я не то чтобы не люблю Дашку, но не умею с ней ладить. По-моему, она слишком избалована. Моя мать ей все разрешает, а сестра засыпает подарками. Но критики в свой адрес они не принимают.

– Вот родишь своего, тогда и воспитывай его как хо-

чешь! – Это весь разговор.

Н-н-да, чтобы кого-нибудь родить, надо для начала выйти замуж, а мне этого абсолютно не хочется.

– Ты рассуждаешь очень глупо! – возмущалась сестра, когда мы раньше спорили на эту тему, сейчас она уже оставила попытки в чем-нибудь меня убедить. – Для того чтобы понять, что тебе что-то не подходит, надо сначала это что-то попробовать. А то как же ты узнаешь, что тебе не подходит замужество?

В общем, так она меня доставала долгое время, пока я не сказала, что на нас двоих вполне достаточно ее трех замужеств. У нее выходить замуж получается гораздо лучше, так почему бы не продолжать в том же духе? Одно замужество в пятилетку – отличный результат! Если принять активный возраст женщины хотя бы до пятидесяти лет, то сестре нужно выйти замуж еще четыре раза. А ведь некоторые дамы выходят замуж и в шестьдесят, в нашем доме раньше жила профессорша Ангелина Федоровна, так она, похоронив своего профессора, вышла замуж в семьдесят два года, так что для сестры четыре раза далеко не предел.

В конце концов сестрица обозвала меня дурой и оставила в покое.

Я вышла на кухню и включила кофеварку. Матушка притащилась за мной. Она умирала от любопытства, потому что вчера успела-таки переговорить по телефону с Иркиной мамашей. И та туманно ей намекнула, что для меня есть вари-

ант. Матушка воспрянула духом, как я говорила, родственники не теряют надежду кого-нибудь мне подыскать, причем сестра это делает из абсолютно трезвых соображений – она просто хочет занять мою комнату. А у матушки в голове витают идеи насчет семьи, брака и высшего предназначения женщины.

Матушка внимательно следила, как я отрезаю кусок черного хлеба из муки грубого помола и, не намазывая маслом, кладу на него кусок сыра. Она помешана на правильном питании, не разрешает нам есть вредных, по ее мнению, продуктов, причем их список неуклонно пополняется. В будние дни я умудряюсь позавтракать, когда она в ванной, и тогда ем что хочу. Сестрица бережет свою потрясающую фигуру и вечно на диете, а я люблю хлеб с маслом и считаю, что бутерброд должен быть нормальным бутербродом, но в этот раз мне не хотелось начинать субботнее утро со скандала.

– По утрам лучше есть салат красоты, – все-таки не утерпела мамаша.

– Что это еще такое? – удивилась я.

– Тертое яблоко, орехи, изюм и геркулесовые хлопья. Или проросшая пшеница.

– А без хлопьев нельзя? И чтобы все отдельно.

– Вечно ты споришь! – обиделась мать.

Но долго обижаться ей было невыгодно, она ведь должна была срочно все выяснить про вчерашний вечер, поэтому она тоже налила себе кофе и под села к столу. Кофе в списке

вредных продуктов стоит на первом месте, но матушка его очень любит и разрешает себе по утрам одну чашку с обезжиренным молоком.

– Ну что, как вчера время провели?

– Нормально, – коротко ответила я.

– Народу много было?

– Не очень.

– А муж у Иры симпатичный? – не унималась мать.

– Так себе, средней противности.

Матушка уже начинала заводиться, но пока держала себя в руках.

– А мужчины-то, кроме него, были? Ты с кем рядом сидела?

– Да был один...

– Ну? – оживилась она.

– Весь вечер рассказывал, как он на минном тральщике плавал. – И, видя, что матушка недоуменно вытаращила глаза, я пояснила: – Ветеран ВОВ, персональный пенсионер. Иркиного нового мужа двоюродный дядя.

Мать наконец сообразила, что я над ней издеваюсь, и обиделась не на шутку.

– Ну а книгу-то ты мне принесла? Или забыла, как всегда?

– Книгу? Какую книгу? Ах да...

Ведь Иркина мамаша передала мне в коридоре какую-то переводную книгу по дианетике для матушки, куда же я ее дела? И я вспомнила, что сунула ее в пакет к Алику, а потом,

естественно, абсолютно про нее забыла после тех событий. Черт, как неудачно получилось, сейчас мать начнет пилить!

– Так я и знала! Какая же ты невнимательная! Такого пу-
стыка нельзя попросить! Ты что, вообще забыла про книгу?

– Да нет, я взяла...

– Значит, потеряла? Ну я этого и боялась. Я не понимаю, как может библиотечный работник так относиться к книгам. Этак ты всю библиотеку разбазаришь! И как мы теперь будем оправдываться за чужую книгу?

– Да ладно, – мне удалось вклиниться в ее монолог, – най-
ду я тебе эту книгу.

Я пошла к телефону и набрала Иркин номер.

– Привет, извини, что рано...

Иркин муж работает над романом по ночам, а утром спит до полдня, и Ирка с мамашей ходят на цыпочках. Странно, как они телефон сегодня не отключили.

– Слушай, этот Алик...

– А что? – встревожилась Ирка. – Он что, неприлично се-
бя вел, приставал к тебе?

– Да нет, просто у него в пакете осталась моя книга, а те-
перь матушка требует ее срочно, так нельзя ли его телефон?

– Да я вообще-то не знаю, – растерялась Ирка, – это мать
его откуда-то выкопала. У нее все его координаты.

– Только матери не говори, – испугалась я, – а то начнутся
сплетни.

– Постой, – Ирка шуршала листочками, – вот у меня есть

его рабочий. Он переводчик, вообще-то дома работает, но иногда бывает в своей фирме «Альтер эго». Записывай!

Я набрала номер. Трубку сняла какая-то молоденькая девчонка. Когда я попросила Алика, она явно удивилась и пошла его искать, причем мне послышалось в трубке что-то вроде обсуждения моего звонка и тихого хихиканья. Судя по всему, девушки Алика звонками не баловали – неудивительно, принимая во внимание его внешность. Алик подошел к телефону. Голос у него был смущенный.

– А, это вы. Я вам уже хотел сам звонить. Ваша книжка у меня, жива-здоровая, я вечером собирался телефон узнавать. Вам книга срочно нужна?

– Срочно, – ответила я лаконично, не буду же я малознакомому человеку живописать наши семейные склоки.

– Ну ладно, подъезжайте сюда. Я у «Техноложки» работаю, на Бронницкой, офис фирмы «Альтер эго» на пятом этаже.

– А, так мы с вами рядом работаем!

– Да, рядом.

А ведь я ему, между прочим, не говорила, где работаю, Иркина мамаша небось натрепала.

Я добралась очень быстро, поднялась на пятый этаж, нашла его комнату. Он сидел за компьютером, кроме нас с ним в комнате находилась рыженькая веснушчатая девица. Судя по тому, как она стрельнула в меня глазами, это явно она

подходила к телефону. Не успел Алик достать мою книжку, как дверь распахнулась и в комнату влетела какая-то фурия. Вообще говоря, это была довольно ухоженная и, как ни противно это признавать, стройная женщина с виду лет тридцати пяти – значит, реально бери за сорок. Хороший оливковый костюм, туфли обалденные... но я отвлекаюсь. Выражение ее лица полностью компенсировало все вышеперечисленные достоинства. От нее вполне можно было прикуривать, а смерч, который она создала в комнате, поднял в воздух и поменял бумаги на рабочих столах.

Влетев в комнату, эта ведьма с ходу набросилась на Алика:

– Ты, козел болотный, чем вообще занимаешься? Мы тебя здесь для чего держим: чтобы ты свою жирную задницу растил или чтобы хоть изредка работал? Мне сейчас от Мирского звонили – они тебя, оказывается, вызывали к одиннадцати, а ты, кретин, что им ответил?

– Но, Лариса Георгиевна, вы же сами мне...

– Ты, студень жирный, мне еще отвечать будешь! Мирский по твоей милости в «Глория Мунди» обратился. Такой клиент!

Я посмотрела на Алика. С ним происходило что-то ужасное, как вчера ночью, когда к нам пристал тот недомерок, – он застыл в ступоре, руки мелко дрожали, лицо резко побледнело, а на щеках проступили яркие малиновые пятна, и капли пота на лбу... ужасно неприятно, но и жалко его стало. На свою беду, я попыталась как-то разрядить обстановку:

– Послушайте, простите, что я вмешиваюсь, но вы разве не видите, что человеку плохо? Ему врач нужен!

Мегера развернулась ко мне все корпусом и заорала:

– Это еще что такое здесь? Почему посторонние в офисе? Сам ни фига не делаешь, да еще девок своих сюда водишь?

На хамство моя реакция быстра и однозначна. Не успела тетка перевести дух, как я включилась в дискуссию:

– Вы, мадам, что себе позволяете? Вы думаете, что мы сделаем скидку на ваш преклонный возраст? Или просто привыкли к манерам одесского привоза и не можете понять, что находитесь в другом месте?

Мне показалось, что она сейчас лопнет от злости. Она задрожала, кулончик в форме золотого скорпиона запрыгал на ее плоской груди.

– Ты... ты, вон отсюда...

Я не дала ей закончить тираду и с максимально возможным достоинством (так мне по крайней мере показалось) взяла Алика под руку и потащила его к двери. Это было не легче, чем тащить трехстворчатый платяной шкаф, в таком он был ступоре.

– Пойдемте, мой друг, побеседуем в более приличной обстановке. Здесь у вас что-то среднее между борделем и вокзалом. А я в такой атмосфере не могу спокойно разговаривать. – И захлопнула дверь перед самым носом у этой мегеры, успев заметить восхищенное выражение на лице рыжей девицы.

Я выволокла Алика на улицу и дотащила его до «Гриль-мастера» на Московском. Честно говоря, я не люблю «быструю еду», все это жирное, мучное, стандартное, но тащить такого бегемота дальше просто не было сил. У стойки он вопросительно оглянулся на меня.

– Мне капучино и пирожок с черникой.

Себе он взял пустой чай. Мы долго сидели молча, пока немного не успокоились. Наконец я сказала:

– Простите, мне, наверное, не следовало вмешиваться. Теперь у вас с вашей начальницей отношения совсем испортятся.

– Да, наверное. – Он отвечал как-то вяло, но руки у него перестали трястись, и сам уже был не такой малиновый.

– А что, хорошо платят?

– Да ничего, но мне нравится, что в основном можно работать дома.

По тому, с какой тоской он оглянулся по сторонам, я поняла, что ему бывать на людях что нож острый. И как это он потащился к Ирке на день рождения? Наверное, тоже мать запилила.

– А вы один живете или с кем-нибудь?

– Один.

– И так все время дома и работаете? Не скучно?

– Да нет, привык уже, а что?

Тут я сообразила, что он мои расспросы может неправильно понять, и снова перевела разговор на инцидент с его на-

чальницей.

– Судя по кулончику, она Скорпион, и этим все сказано. Какой у Скорпиона характер, по-моему, ясно: яду – на десятерых. Ужиться со Скорпионом может только другой Скорпион. А знаете, какая про скорпионов есть легенда? Будто бы, если он оказывается в смертельной опасности, скорпион изгибает хвост и жалит самого себя в спину, чтобы погибнуть от своего собственного яда. Кончает самоубийством, прямо как японский самурай.

Алик усмехнулся:

– Ну на Ларису Георгиевну это никак не похоже.

Я обрадовалась – он окончательно пришел в себя.

– А вы с какого языка переводчик? С английского?

– Английский, шведский, еще немного финский. Вы хотите сказать, что, зная три языка, можно найти работу лучше, не с такой стервой начальницей?

– Ну, я не знаю. Вы что заканчивали?

– Университет, естественно.

Он посмотрел на меня внимательно.

– Простите, я вчера не запомнил вашу фамилию, кажется, Ракитина.

– Ну да, Марина Ракитина, а что?

– Да, кажется, я знал вашу сестру. Аня Ракитина, да? Вы на нее похожи.

– Все когда-то знали мою сестру, и я на нее ни капельки не похожа. Если вы хотите сделать мне комплимент, то не

насилуйте себя.

— Но я действительно знал вашу сестру, мы вместе учились в школе.

— В параллельном классе? — съязвила я.

— А как вы догадались? — удивился он.

Теперь настал мой черед удивляться. Если он учился с моей сестрой в параллельном классе, то, значит, ему всего тридцать лет? А я думала, что ему под сорок.

Я действительно похожа на сестру, только все лучшее из лица и фигуры, и вообще ум, красота, обаяние и удачливость достались старшей сестрице. Я это поняла еще в детстве и из духа противоречия старалась сделать себя полной противоположностью сестре. Если ей нравилось белое, то я выбирала себе черное, и наоборот. У сестры была роскошная длинная грива, а я постригла волосы в шестом классе. Теперь у нее модная короткая стрижка, а у меня хвост на затылке, который мне абсолютно не идет, но надо держать марку. Забыла сказать, я очень упряма.

Тут я заметила, что Алик смотрит на меня и улыбается. Оказывается, я уже минут десять молча сидела, глядя в пустую чашку. Мне захотелось сказать ему что-нибудь резкое и разойтись наконец, но неудобно так ни с того ни с сего набрасываться на человека, тем более ему и так уже сегодня досталось. Впрочем, есть люди, которые сами позволяют другим обращаться с собой как с грязью под ногами, и никто в этом не виноват, кроме них самих. В общем, я забрала у Алика

эту несчастную книгу по дианетике и собралась домой. Алик явно расстроился, думаю, ему не хотелось возвращаться на работу к своей Скорпионше. Я слегка прониклась к нему сочувствием.

– Как думаете, не усугубит положения, если мы еще немного пройдемся? Я вас провожу не до самой работы, а квартала два.

– Вы про Ларису Георгиевну? Да она уже забыла про все. Она ведь человек настроения, со всеми так обращается.

– И все позволяют? – не удержалась я.

Он помрачнел. Мне опять стало стыдно – что я-то его обижаю, нам с ним делить нечего. Мы прошли два квартала, на прощание я сердечно поблагодарила его, что не потерял чужую книгу, и пошла обратно к метро.

Не доходя несколько домов до метро, у переулка, где была стоянка машин, я замедлила шаг и собиралась зайти в собаче-кошачий магазин, чтобы купить Лолите специального собачьего печенья в виде косточек. Если и есть кто в нашей семье, кому мне время от времени хочется сделать приятное, то это Лолита. Правда, я еще очень хорошо отношусь к Славке, но если я буду покупать ему печенье, боюсь, сестра может неправильно понять. Я только собралась спуститься на три ступеньки вниз, как что-то заставило меня оглянуться. Человек на той стороне переулка, его походка, этот знакомый поворот головы...

Он подошел к синей машине, наклонился к окошку води-

теля, они поговорили, потом человек обошел машину, уверенным жестом открыл дверцу...

– Максим! – закричало все мое существо.

На самом деле я, конечно, молчала, но он что-то почувствовал, оглянулся, узнал меня, нахмурился в первый момент, потом кивнул как-то неопределенно, сел в машину и уехал. Я продолжала стоять на ступеньках, пока меня не подвинула дама с ротвейлером, они купили новый поводок и торопились его опробовать.

Забыв про Лолитино печенье, я побрела к метро ужасно расстроенная. Мне не нравилось мое состояние. Неужели весь этот кошмар начнется сначала? Неужели это мне пожизненное наказание? За какие, интересно, грехи?

Всю жизнь меня все сравнивали с сестрой, а поскольку сравнение было явно не в мою пользу, то люди либо ставили ее мне в пример, либо разочаровывались во мне навсегда. Это началось еще со школы, про семью я не говорю – матушка всю свою материнскую гордость израсходовала на сестру, а на меня всегда смотрела с жалостью, как на ошибку природы. Правда, я в детстве была гадким утенком, потом разрослась, сейчас смотреть на себя в зеркало не противно, но сестрица, конечно, полностью меня затмевает.

В школе учителя бесконечно сравнивали меня с сестрой:

– А вот Аня всегда все уроки делала на «отлично»!

– А вот Аня никогда не забывала дома дневник и сменную

обувь!

— А вот Аня кувырок назад выполняла на «пять», а ты еле-еле на «три с плюсом»!

В конце концов мне это надоело, и я начала дерзить учителям. Они в ответ стали выставлять мне плохие отметки и вызывать родителей в школу. А потом мы переехали. Сестра тогда училась уже в седьмом классе и могла самостоятельно ездить в школу через весь город. А меня мать перевела в простую школу возле дома, и все успокоились. Иногда я жалею, что не закончила английскую, но потом ведь пришлось бы идти в тот же институт, а там я опять слышала бы то же самое про сестру. Так что свои нервы дороже. А я себе спокойненько, не утруждаясь, закончила простую школу, поступила в технический вуз, потому что матушка не представляла себе, что у ее детей не будет высшего образования. Инженеры нынче никому не нужны, поэтому, помаявшись без работы, я устроилась в техническую библиотеку Технологического института и так там и работаю уже четыре года. Мать с сестрой, естественно, недовольны, они говорят, что надо менять работу, менять жизнь, менять все. Не могу сказать, что мне моя жизнь нравится, но менять тоже ничего не хочется. Отсюда — непримиримые противоречия с семьей.

Сколько себя помню, в нашей семье всегда были на первом месте успехи моей сестры, личная жизнь моей сестры и так далее. В доме всегда толклись знакомые моей сестры, ее друзья и поклонники. Все они были личности. Элита, цвет

общества, как говорила моя мать. Куда там моим одноклассникам из простой школы! Мать всегда смотрела на них с безразличным удивлением, как на божью коровку, которая случайно залетела на городской балкон. Понемногу мне и самой стало казаться, что все мои друзья – серые, неинтересные люди. В общем, вы видите перед собой классическую иллюстрацию к Фрейду – комплекс младшей сестры-неудачницы.

И вот прошли уже годы учебы в институте, а я как-то ни на ком не могла остановиться. Никто из парней по-серьезному мне не нравился. Мать начала беспокоиться, но поскольку сестра бесконечно то выходила замуж, то разводилась, потом рожала Дашку, то матушке было не до меня. А потом на день рождения сестры кто-то привел Максима. Сестра тогда как раз только-только начинала расходиться со вторым мужем, мы еще про это не знали.

Максим явился с огромным букетом роз. Они были знакомы раньше, не то по работе, не то во время учебы где-то сталкивались. Анькин второй муж ужасно ее ревновал, хотя она ему не изменяла. У Аньки другой подход – она не заводит любовников при живом муже, она просто меняет мужей, когда они ей надоедают. И чтобы не создавать на празднике напряженную ситуацию, Максим стал уделять внимание мне. Он был очень хорош, просто потрясающе выглядел, они с моей сестрой составили бы обалденную пару, это было ясно не только бедному Анькиному мужу, но и всем вокруг. Поэтому я все поняла правильно, держалась приветливо и

любезно принимала его ухаживания. Вечер прошел спокойно, никто ни с кем не скандалил, сестра, как обычно, была обворожительна.

Через два дня Максим позвонил мне на работу и предложил встретиться. Я к тому времени уже знала, что он женат и находится с женой в стадии решения вопроса, разводиться сейчас или еще подождать, но не нашла в себе сил отказаться от встречи. Когда же я поняла, что он увлекся мной, именно мной и Анька тут ни при чем, все и началось.

Боже, как я влюбилась! Это был форменный кошмар. Каждую ночь я видела его во сне, каждый вечер перед сном я мысленно с ним разговаривала. Если, проснувшись под утро, я вспоминала про него, то заснуть уже больше не было никакой возможности. У меня хватило ума и выдержки не показывать ему моего состояния и никогда не звонить ему самой по телефону. Я никогда от него ничего не требовала, всегда соглашалась с ним встретиться в любое время и в любом месте, будь то захламленная квартира его приятеля, чья-то дача или просто машина. Я не безнравственная, просто для *этого* человека я готова была сделать все, что угодно. Но только для него и ни для кого больше. Он тогда начал усиленно заниматься политикой, выдвигал свою кандидатуру в депутаты. Я никогда не спрашивала про его отношения с женой, он сам сказал мне, что сейчас не может начинать развод, потому что жена против и журналисты обязательно напишут гадости. Поэтому он почти никогда не появлялся со мной на

людях, а так, все больше по чужим квартирам.

Разумеется, у нас был секс, именно для этого мы и встречались. Не знаю, как ему было со мной, но я ничего не помню. Я не помню, какой он в постели, кстати, мне не с кем было его сравнить, ведь Максим был у меня первый и единственный; я не помню, хорошо ли мне было с ним или плохо, потому что все мои воспоминания обрываются у двери чужой квартиры. Вот я поднимаюсь по лестнице, нажимаю на звонок, он открывает мне дверь, я захожу в квартиру и все. А потом я ощущаю себя уже опять на лестнице или в его машине, или в поезде метро.

Так продолжалось почти год, мы встречались все реже, потом его выбрали в Думу, он стал ездить в Москву. И однажды при встрече он сказал, что уезжает в Москву и что я должна его понять – теперь он весь на виду и не может себе позволить оступиться.

Наверное, я все же ему нравилась, раз мы встречались почти год, но всему приходит конец. Конечно, я его поняла, а что еще мне оставалось делать? Навязываться я не умею. Пригрозить, что выброшусь в окно? Глупо! Сгоряча я простилась с ним довольно спокойно и гордо удалилась.

Последующие полгода стоили мне десяти лет жизни. Если бы я знала, что со мной будет твориться, я бы лучше сразу бросилась под поезд, как Анна Каренина.

Самое интересное, что домашние ничего не заметили. Сестра как раз за это время успела развестись с мужем и вый-

ти за Славку. Мать была занята Дашкой. То есть они, конечно, обратили внимание на то, что у меня испортился характер, но решили, что готовлюсь стать старой девой, о чем и не преминули мне сообщить. Однако время прошло, я немного успокоилась и решила, что проживу без мужиков. В первое время я искала Максима по телевизору, а потом перестала – надоело себя мучить. С нашей последней встречи прошло два года – и вот, пожалуйста. Неужели опять все сначала? Ни за что, я этого не вынесу!

И я поклялась себе самой страшной клятвой, что немедленно возьму себя в руки и не буду думать о Максиме.

Дома матушка, получив свою бесценную книгу, уткнулась в нее и до вечера не выходила из своей комнаты. Пришлось мне заниматься хозяйством, потом гулять с Лолитой.

В воскресенье сестра со Славкой поехали по магазинам, а мы помирились с Дашкой и отправились с ней в этнографический музей. Дашка очень любит там экспозицию, где манекен-чукча сидит в настоящем чуме, и огоньки горят, как настоящий костер. Мы с Дашкой, стоя перед чумом, шепотом спели песенку «А чукча в чуме ждет рассвета», навестили еще эвенка в нартах и таджика в юрте, а потом усталые, но довольные направились домой.

Вечером матушка сидела, прилепившись к телевизору, что совершенно на нее не похоже – много смотреть телевизор вредно, в чем я совершенно с ней согласна; правда, я считаю, что это вредно для мозгов, а она – что для талии.

В ответ на мой удивленный взгляд она пояснила:

– Представляешь, убили Подрезова!

– Какого Подрезова?

– Ну, что ты, не знаешь его, что ли? Алексей Подрезов, тележурналист!

– А, ну знаю, конечно.

– Вот, его убили. Труп нашли на Выборгском шоссе сегодня утром, а машину его – около станции Песочная. Считают, что убийца его выкинул на шоссе, на его машине доехал до Песочной, машину там бросил и вернулся в город на электричке.

– Застрелили?

– Нет, перелом основания черепа. Чем-то тяжелым ударили по голове.

– Слушай, ну мало ли сейчас людей убивают? Никому нет дела, а как тележурналиста убьют или похитят – так всеобщая паника, всю милицию на уши поставят, все следят за развитием событий, вот даже ты – в жизни к телевизору не подходила, а тут прилепилась, не оторвать.

– Я – нормальный человек с нормальными человеческими интересами, а вот тебя абсолютно ничего не интересует! Ты ни с кем не можешь найти общего языка! Ты замкнулась в себе и варишься в собственном соку! У девушки твоего возраста должны быть друзья, поклонники, она должна в конце концов выйти замуж!

В общем, матушка оседлала своего любимого конька. Мне

это так уже надоело, что я тоже... кое-что ей сказала, так что в итоге мы очень мило поцапались. Обычно я стараюсь не доводить дело до открытого скандала, очевидно, в этот раз на меня повлияла встреча с Максимом.

По случаю воскресенья был ужин, который готовила сестра. Матушка принципиально не ужинает, она пьет бифилайф в семь вечера и больше уже ничего не ест до самого утра. Поэтому в будний день ужина не бывает, Славка поздно вечером доедает остатки от обеда, сестра на диете, Дашку пичкают фруктами, а я тайком покупаю себе булочку с маком, сливочный йогурт и съедаю все это в своей комнате.

В понедельник я проснулась пораньше и успела проскочить в ванную не только раньше матушки, но и перед сестрой. Анька стучала в дверь ванной и орала, что мне в мою библиотеку можно хоть с полдня приходить, а если она опять опоздает, то с работы точно выгонят. Дашка ныла и не хотела идти в школу, она у нас первоклассница. Лолита скулила у двери и жевала шнурки от кроссовок. Словом, все было как обычно.

В библиотеке к сессии было не протолкнуться. Эти охладомоны-студенты вспомнили, что у них через две недели экзамены, и поперли за учебниками. Начальница библиотеки Нина Адамовна опять разбиралась с Шишиным. Это наш вечный студент, учится, наверное, уже лет семь и на диплом в ближайшее время выходить не собирается.

– Ну, Шишин, что с вами на этот раз?

– Вот. – Шишин протянул ей какую-то бумажку.

– Что это, Шишин?

– Это читательский билет, понимаете, мама его постирала в стиральной машине. Это случайно вышло.

– Понимаю, что не нарочно. И что же, вы хотите получить по нему литературу?

– Да, если можно, только вот фотография смылась...

– Да, Шишин, вы на ней на себя не похожи.

Я заглянула через ее плечо: на фотографии был изображен шишинский череп, остальное выстиралось порошком «Ариэль».

– Нет, Шишин, – решительно произнесла Нина Адамовна, – по такому билету я вам ничего выдать не могу.

– Ну, Нина Адамовна, – заныл Шишин, – а как же сессия?

– Да вы же все равно сдаете сессию с опозданием, – вмешалась я, – сейчас будет летняя, а вы собираетесь сдавать еще зимнюю.

– Все равно, у меня сроки.

– Не будем пререкаться, Шишин, принесите все книги, что за вами числятся, потом напишите заявление на выдачу нового читательского билета.

– А потом?

– А потом будете ждать!

– И долго мне ждать?

– Неделю, – сказала я голосом Кролика из мультфильма

про Винни-Пуха.

– А пока будете пользоваться читальным залом, – строго произнесла Нина Адамовна, тряхнув седыми кудряшками. – И вас особенно попрошу, Марина, пока он не сдаст все учебники, нового билета ему не выписывать и ничего не выдавать. – Она удалилась в помещение закрытого фонда.

– Слышал? – спросила я опечаленного Шишина. – Вот теперь какие порядки. Так что дуй домой за книжками. Заче-ты-то хоть все сдал?

– Какое там! – Шишин махнул рукой и ушел.

– Марина, тебя к телефону! – крикнула Зоя из читального зала.

– Здравствуй, Марина! – Его голос я узнала мгновенно.

Я прижала трубку к груди и отвернулась так, чтобы Зойка не видела моего лица.

– Эй, ты где там?

– Я здесь.

«Я всегда здесь, – добавила я про себя, – и никуда не денусь, даже если ты позвонишь через десять лет, для тебя я всегда здесь».

– Я тут приехал на некоторое время из Москвы...

– Я знаю.

– Ах да, ведь ты меня вчера видела... ты ведь заметила меня вчера?

– Да, конечно.

– Извини, я так торопился, не успел к тебе подойти.

– Ничего страшного.

– Я бы хотел... в общем, давай встретимся.

Если бы у меня тогда хватило мужества отказаться, много бы не случилось. Но я не нашла в себе сил и решила, что сделаю себе послабление, встречу с ним. Но ни в какие чужие квартиры я больше не пойду. Хочет со мной встретиться – пусть ухаживает как нормальные люди: цветы, рестораны и так далее. Денег у депутатов много, он может это себе позволить. Если я приведу себя в порядок, со мной не стыдно нигде показаться, а на журналистов мне плевать! Мы условились встретиться в семь часов в центре, причем я намекнула ему на ресторан.

– Лариса Георгиевна, можно к вам?

– А, это вы... Неужели после нашего последнего разговора...

– Мне кажется, вы тогда просто погорячились. Вы ведь яркая, темпераментная женщина... Но вмешивать в наши отношения посторонних... Я вами очень недоволен. Ну в конце концов должен признать, что я тоже был в чем-то не прав...

– Вот именно! Наконец-то вы это поняли.

– Конечно, Лариса Георгиевна, конечно! Все делают ошибки, и умные люди от глупых отличаются только тем, что глупые на своих ошибках настаивают, а умные – свои ошибки исправляют. Вот и я сейчас, пожалуй, исправлю одну из

своих ошибок.

– Что это вы? Что с вами? Уберите руки! Вы с ума сошли! Вон отсюда! Я позову на помощь!

– Зовите, Лариса Георгиевна, зовите. Вас никто не услышит – вы же знаете, что все ушли обедать. Куда? Кажется, в ресторан «Джокер». А вы остались? Видите, как вредно отрываться от коллектива. Ну, что же вы не зовете на помощь? А, у вас от страха перехватило горло? Вы не можете кричать? Ах, как неудачно! Как сказано в одной популярной телерекламе – как повезло яблоку и как не повезло вам! Ну, яблоко тут, допустим, совершенно ни при чем – повезло в данном случае мне. Я смогу спокойно исправить свою ошибку. Работать с вами, конечно, было ошибкой. Вы слишком, слишком темпераментная женщина. Вы не умеете сдерживать свои эмоции и произносите слишком много лишних слов перед малознакомыми людьми. Такой темперамент – вещь опасная...

– От-от-пустите меня... Вы... вы... сумасшедший, вы маньяк...

– Ах, у вас прорезался голос? Только очень-очень слабый. На помощь таким голосом не позовешь – никто не услышит. Но вы не правы. Какой же я сумасшедший? Я просто исправляю свою ошибку. Очень, кстати, продуманно исправляю. Куда же вы, Лариса Георгиевна? Дальше, как говорится, отступать некуда, за вами окно, и этаж, между прочим, пятый. Неужели вы так меня боитесь, что готовы даже... Ну что ж,

тогда я вам немножко помогу...

– По-по-можите...

Слабый, тихий от ужаса женский крик никто не услышал. Зато многие прохожие подняли головы, услышав звон бьющегося стекла в окне пятого этажа. А когда женское тело, послушное силе всемирного тяготения, совершило свой первый и последний полет и с отвратительным глухим звуком ударилось об асфальт, разметавшись на нем, как выброшенная тряпичная кукла, все, кто был в эти дневные часы на людном центральном проспекте, бросились к ней – кто с жалостью, кто с состраданием, кто с любопытством.

И никто, конечно, не заметил, как из подъезда вышел мужчина в джинсовом костюме и быстрым деловым шагом направился в сторону метро.

После телефонного разговора я почувствовала настоятельную необходимость пройтись по магазинам. Я просто-напросто взглянула на себя в зеркало, пришла в тихий ужас и решила, что без новой помады, тонального крема и лака для ногтей меня могут по ошибке отправить на Северное кладбище. Я выскочила на Московский, свернула на Бронницкую, направляясь в один неплохой маленький магазинчик. Возле дома, где была переводческая контора Алика, толпилась куча народу. Все ахали, причитали, что-то там стряслось, несчастный случай. Судя по репликам – погибла женщина. Меня всегда бесит массовое сладострастное любо-

пытство к чужому несчастью, рядящееся в одежды показной жалости. Я хотела пройти мимо, не поднимая глаз, и это меня и подвело: на асфальте прямо под ногами я увидела что-то маленькое и блестящее. Я нагнулась и подняла эту вещицу. Лучше бы я этого не делала. В руках оказался кулончик в форме скорпиона. Мне стало нехорошо, судорога схватила низ живота, но сквозь толпу все же удалось протолкаться.

На тротуаре лежала та самая женщина из «Альтер эго», которая в субботу так хамски обошлась с Аликом. Она лежала на спине, неестественно подогнув левую руку. Глаза были открыты, и в них стоял ужас. Что было особенно неприятно – впрочем, что уж говорить, приятного трудно ожидать в такой ситуации, но почему-то особенно неприятным показалась ее непристойно задравшаяся юбка. От смерти не ждешь красоты, но хочется, чтобы она выглядела хотя бы прилично... Окружающие, фальшиво сокрушаясь и охая, рассказывали вновь подошедшим, как она вылетела из окна – вон того, распахнутого, на пятом этаже, – должно быть самоубийство...

В это время подошла группа людей, очевидно, переводчики из «Альтер эго», сослуживцы покойной. Снова пошли причитания, кто-то сказал, что все они ходили обедать в бистро «Джокер», Лариса Георгиевна не пошла, и вот... Немолодая женщина наклонилась, одернула юбку и закрыла пальцами глаза погибшей. Я посмотрела на нее с благодарностью, хотя какая теперь разница?

Кто-то робко тронул меня за локоть. Рядом стоял Алик. Вид у него был потрясенный. Да, наверное, и у всех нас тоже.

– Ну и ну... Вот уж никак не ожидал. Чтобы она – и выбросилась из окна?

– Да уж, – не смогла я не согласиться, – такие стервы других доводят, но уж никак не сами... Господи, что это я? Разве можно так говорить о мертвых?

– Привет... я не поздоровался...

– Да, тут такие обстоятельства... не до условностей.

– Ты куда шла? Пойдем, я тебя провожу, здесь сейчас сумасшедший дом начнется, а народу и без меня достаточно.

– Да я вообще-то в магазин, но теперь расхотелось.

Мы прошли немного молча – говорить об ужасном событии не хотелось, а больше было не о чем. Алик мялся и потел, потом наконец решился:

– Понимаешь, так неудачно вышло. Я же не знал, что такое случится. И хотел пригласить тебя в театр на Романа Виктюка.

Я остановилась как вкопанная. Ну что же это такое! Поговоришь с человеком нормально, а он сразу же лезет с продолжением знакомства. Тут же стал фамильярничать, что-то я не помню, чтобы мы с ним переходили на ты.

Алик смотрел на меня, покорно ожидая отказа. Где-то в глубине души шевельнулась жалость. Ну как же можно быть таким тюфяком в наше сумасшедшее время?

– А когда спектакль, сегодня? – спросила я, радуясь, что

сегодня могу найти действительную причину для отказа – ведь меня ждет Максим.

– Нет, завтра, – убитым голосом сказала это чучело.

– Ну что ж, пойдем на Виктюка, – улыбнулась я.

Он просиял.

– А теперь я пойду по всяким дамским магазинам, это надолго, а ты беги на работу, тебя хватятся.

Он действительно довольно бодро потрусил на работу, а я зашла в магазин и истратила кучу денег на косметику.

Мне хотелось улизнуть с работы пораньше, но Нина Адамовна уехала в коллেকтор, а Зойка, как всегда, удрала в четиры за своим бандитом в садик. Я разрывалась между абонементом и читальным залом, а тут еще в конце дня притащился Шишин с ворохом книг. Пока мы проверяли, время шло к пяти, я злилась – ведь еще надо было заехать домой переодеться. Все книги у Шишина были на месте, только не хватало второго тома «Термодинамики».

– Шишин, зачем тебе «Термодинамика»? Ее же на третьем курсе проходят, а ты вроде бы на пятом.

– Вроде бы, – вздохнул он.

– Ищи «Термодинамику»!

– Да нет ее, я ее еще тогда потерял! А можно я на замену что-нибудь принесу?

– Можно, но только техническое. Все, Шишин, некогда мне, ухожу сейчас.

– Мариночка, – он умоляюще прижал руки к груди, – пособие по лабораторным работам выдайте, и я всю жизнь буду вашим рабом!

– Ладно, вот тебе пособие, только уйди, но если завтра не принесешь замену «Термодинамике», то я тебя из-под земли достану. И не проболтайся Адамовне, что я тебе пособие дала, а то она меня придушит и в архиве закопает!

Шишин послал мне воздушный поцелуй и удалился.

Дома, взглянув на часы, я увидела, что на все про все у меня сорок минут. Наскоро перебрав гардероб, я ужасно расстроилась – у меня совершенно не оказалось приличной одежды, а ведь для Максима я должна была выглядеть на все сто. И в зеркале отражалось что-то несусветное. Нет, матушка права, надо постоянно держать себя в форме. Пора плюнуть на индивидуальность и сделать что-то с волосами. Сестрица в этом сезоне рыжая, а я буду золотистая блондинка или махагон какой-нибудь.

В квартире никого не было – сестра еще на работе, а матушка повела Дашку в бассейн. Я открыла шкаф и вытащила сестрицыно черное французское платье без рукавов, она купила его в Париже, когда ездила туда с шефом по делам фирмы. Я примерила платье. В груди немного свободно, еще бы, у моей сестрицы потрясающий бюст. Но сверху у меня есть черный пиджак, слава Богу, мой собственный, туфли тоже достаточно приличные, будет скромно и элегантно. И вообще черное облагораживает!

Цокая когтями по паркету, в комнату вошла Лолита и удивилась, потому что никогда не видела меня такой возбужденной. Я становлюсь другим человеком, даже собственная собака меня не узнает!

Полностью одевшись, я придирчиво оглядела себя в коридоре в большое зеркало. Вид отличный, но Анька меня убьет. И на лестнице, конечно же, я столкнулась с матерью и Дашкой.

– Ты куда это?

– На свидание, мама, вернусь поздно! – крикнула я на бегу, моля Бога, чтобы они не заметили Анькино платье раньше времени, а то сестра вечером меня и в квартиру не пустит, придушит на пороге.

Но мои страхи были напрасны – мать с Дашкой стояли столбами, разинув рты.

Максим ждал меня, облокотившись на капот машины, поигрывая ключами, – прямо картинка с рекламного щита. Это выглядело бы пошло, если бы он не был так необыкновенно хорош. Красивый молодой мужчина с открытой белозубой улыбкой. Внешность его располагает к себе, наверное, он правильно сделал, что пошел в депутаты. Теперь, когда он часто мелькает по телевизору, все женщины, увидев такого красавца, обязательно отдадут за него свои голоса.

Увидев меня, Максим сделал два шага вперед, взял меня за руку и заглянул в глаза. Караул! Сердце привычно ухнуло вниз, как будто и не было этих двух лет. Глядя в его серые

с зеленоватым отливом глаза, я знала, что рано или поздно покорюсь судьбе и буду делать все, что он захочет. Но без боя не сдамся и попытаюсь бороться.

– Ты совсем не изменился, Максим.

– А ты изменилась, но к лучшему – повзрослела, похорошела. Чудесное платье!

– Очень рада, что тебе нравится.

– Куда ты хочешь поехать?

Ого, какой прогресс! Раньше он никогда не спрашивал, просто сажал в машину и вез в какую-нибудь дыру, где нас никто не мог увидеть.

– На твой вкус, дорогой, но я вообще-то после работы.

Он понял намек и повез меня в маленький ресторанчик. Там было темновато и наполовину пусто. Понятно, он по-прежнему боится журналистов. За ужином он говорил, что приехал к нам в город ненадолго по делам, очень занят, но вот в субботу увидел меня, и это было как гром среди ясного неба. Он вспомнил, как мы были счастливы, и не мог не позвонить. Слушать его речи было приятно, но я поняла, что первое мое впечатление было обманчиво, он изменился. Здесь, в полутемном ресторане, когда мы сидели близко друг от друга, я почувствовала его нервозность. Он весь был как натянутая струна. Очевидно, работа в Думе требует много душевных сил и нервов. Он расспрашивал о моей жизни, а мне нечем было похвастаться, поэтому я переводила разговор на его дела и с изумлением узнала, что он в Думе пред-

ставляет партию «зеленых». Экология сейчас очень важна, она на первом месте, утверждал он. Я согласилась, кто стал бы спорить?

Так в милой беседе прошел ужин. За кофе я немножко запаниковала – а вдруг он предложит сейчас поехать к нему и я не смогу отказаться? Или, наоборот, сейчас мы распрощаемся и больше я его никогда не увижу? Поразмыслив, я решила, что предпочтительнее второй вариант. Все равно я буду страдать, а так хотя бы сохраню лицо. А секс – бог с ним! В моих отношениях с Максимом это не главное.

На прощание он спросил:

– А все-таки, что ты почувствовала, когда заметила меня там, у машины?

Хм-м, что я почувствовала? Если я начну ему рассказывать о своих чувствах, ночи не хватит. Поэтому я просто сказала, что мне было очень приятно его увидеть. Мы мило распрощались, поехать к нему он не предложил, но что-то мне подсказывало, что это не последняя наша встреча.

Максим довез меня до дома и даже не поцеловал в машине, на что я предпочла не обратить внимания. Было поздно, и дома все спали.

Скандал, который устроила утром сестрица по поводу платья, превзошел все мои ожидания. Дождавшись ухода Славки, она ворвалась в мою комнату, схватила платье, висевшее на стуле, и начала орать.

Главное, все устроила эта маленькая негодяйка Дашка. Пока матушка вчера на лестнице пялилась на меня в столбняке, Дашка, как истинная дочь своей матери, успела заметить платье и мигом наябедничала Аньке, едва та перешагнула порог квартиры. Тоже еще стервоза растет!

В общем, сестра так орала и обзывалась, что даже мать не выдержала и принялась ее урезонивать. Это не помогло, тогда я высказалась из-под одеяла, что Анька – жлобиха, сама хочет выгнать меня из дому, чтобы занять мою комнату, а сама жалеет такой ерунды, как платье на один вечер.

– При чем тут комната? – непритворно удивилась мать.

Мне все уже надоело, и я популярно посвятила ее в Анькины планы: выдать меня замуж на сторону, мать переселить в мою комнату, а в матушкиной, самой большой, устроить шикарную гостиную.

– Никогда в жизни я не выгоняла моих дочерей из дома! – возмутилась мать. – Это твоя законная жилплощадь, как тебе такое могло прийти в голову! Аня! – Но сестрица уже хлопнула дверью и умотала на работу.

– Не притворяйся, что ничего не знала, – разозлилась я.

Мать посмотрела со слезами и вышла. Похоже, на этот раз она обиделась по-настоящему, даже забыла спросить, с кем же у меня вчера было свидание.

В библиотеке опять с утра было столпотворение. Кроме студентов, на нас обрушилось новое бедствие. Нине Адамов-

не вчера в коллекторе пообещали, что привезут кучу новых книг, и теперь надо было срочно искать для них место. Инвентаризацию мы начали проводить уже давно, так что книги, которые не нужны, отобрать успели.

– Марина, – обратилась ко мне Нина Адамовна, – Зоя пока справится на абонементе одна, а мы с вами перенесем хотя бы эти книги вниз, в подвал, в помещение архива. Я договорилась с Владимиром Викентьевичем.

Владимир Викентьевич – это проректор по хозяйственной части, Нина Адамовна его обожает.

– Что вы, Нина Адамовна, вам нельзя такое тяжелое, я сама перенесу или вон ребята помогут. – Нашей старушке под семьдесят, и хоть она бодрится, но возраст дает о себе знать.

– Ни в коем случае, никаких студентов, они там все перепутают и помнут!

– Ну хорошо, хорошо, я сама два раза схожу.

Однако когда я увидела, сколько книг предстоит перетаскать, я поняла, что там и за четыре раза не управишься. Ладно, посмотрим на месте. Я спустилась по узкой лесенке в подвал. Дверь в архив была открыта, очевидно, Нина Адамовна уже была тут с утра. Снизу тянуло жуткой промозглой сыростью. Странно, вроде бы в архиве хранят документы, а они не выносят влаги. Я прошла между стойками, где хранились старые дипломы и рефераты, нашла свободную полку и поставила свои книги. Где-то в дальнем конце помещения

послышался шорох. Я замерла на месте. Шорох тут же затих, но стоило мне сделать шаг вперед, как он возобновился с прежней силой. Лоб покрылся испариной.

– Кто здесь? – окликнула я, как мне казалось, громко и решительно, но на самом деле чуть слышным писком.

Ответом было гробовое молчание.

– Это мыши, – сказала я вслух самой себе, – это всего лишь мыши. Или крысы. В архивах всегда водятся мыши и крысы. Даже говорят так: «Крыса архивная».

Я представила себе большую усатую крысу и затряслась от страха. Если увижу живую крысу – умру на месте. Я тихонько на цыпочках пробежала к выходу, и вдруг в помещении погас свет. Сразу стало так холодно в темноте. Да что же это такое?! Нет, надо взять себя в руки. Ну, подумаешь, перебои с электричеством. Это бывает, очень даже часто. Ничего страшного.

Так я уговаривала себя, но в действительности мне было страшно, как никогда в жизни. Я чувствовала, что в архиве кроме меня еще кто-то есть, и боялась его. Тихонько, стараясь не шуметь, я ощупью добралась до двери, выскочила на лестницу, пронеслась по коридору и у самых дверей библиотеки столкнулась с Шишиным.

– Доброе утро, Мариночка, вот я принес на замену «Термодинамике». – Он протягивал мне толстую книгу, обернутую белой бумагой.

– Ох, Шишин, – я перевела дух, – замена потом, ты гово-

рил вчера, что будешь моим рабом, так идем сейчас в архив.

Он согласился. Нина Адамовна была занята и не заметила, как я нагрозила Шишина книгами и повела в подвал. Дверь в архив была открыта, и свет горел – обычные перебои, и что я так перетрусилась? Мы прошли между стойками, завернули за угол – что за черт, где моя полка с книгами? Очевидно, я от страха забыла дорогу.

– Прости, пожалуйста, Шишин, мы свернули не туда, да вот сейчас тут пролезем. Ну и катакомбы тут у них, черт ногу сломит! Пусти-ка меня вперед!

Я протиснулась в узкую щель между стеллажами, споткнулась обо что-то, облокотилась на стойку и почувствовала, что свет перевернулся. Пол заходил ходуном, я услышала крик Шишина, подняла голову и увидела, что здоровенная металлическая стойка, вся забитая толстыми томами, угрожающе накренилась в мою сторону. Не в силах пошевелиться, я в ужасе смотрела, как она падает, и в самый последний момент какая-то сила дернула меня назад. Я выронила книги и упала на пол, стойка грохнулась, и здоровенная чугунная станина пролетела в полуметре от моей головы. Дипломы высыпались и погребли нас с Шишиным под собой.

Через пять минут, когда пыль улеглась, я немного очухалась. Руки-ноги были целы, голова тоже. Рядом чихал Шишин, у него тоже все было цело, даже очки.

– Шишин, – спросила я, отбрасывая папки, – это ты меня назад дернул?

– Ну я.

– Так, выходит, Шишин, ты мою жизнь спас?

– И свою, между прочим, тоже.

– Шишин, миленький, дай я тебя поцелую.

– Лучше билет читательский поскорее выпишите.

– Выпишу, Шишин, сегодня же. Спасибо тебе.

Я посмотрела на него повнимательнее и вдруг вспомнила, с какой силой он буквально выхватил меня из-под стойки. И вообще, если он уже семь лет в институте учится, то ему уж не меньше двадцати пяти. Здоровый мужик, а все придурком прикидывается!

– Шишин, а зачем ты в институте дурака валяешь, семь лет маешься?

Он засопел, потом отвернулся.

– Чтобы в армию не идти. У меня мама старенькая. Если со мной что случится, она не переживет. И оставить ее на два года не могу.

– Так иди на военную кафедру!

– А вдруг офицером призовут?

– Да, трудно тебе. А все-таки, так тоже нехорошо, у старенькой мамы на шее семь лет сидеть. На что живете, на ее пенсию?

– Почему? – обиделся Шишин. – Я работаю дома на компьютере. И мама тоже работает.

– Ну ладно, Шишин-Мышин, давай отсюда выбираться. Убирать ничего не будем, оставим все как есть. Ох, и устрою

я Владимиру Викентьевичу! Как чай с нашей Адамовной пить, так он первый, а как в архиве порядок навести, так его нет! Сейчас прямо и поскандалю, пока запал не прошел.

Однако наверху и без нас уже был грандиозный скандал. Нина Адамовна лежала на диване в помещении закрытого фонда, вокруг нее хлопотали Зойка и медсестра Эльвира. Студенты растерянно топтались на абонементе. Проректор Владимир Викентьевич метал громы и молнии. Увидев нас, он чуть не укусил бедного Шишина.

– Шишин! Вот вы где! Все, Шишин, это последняя капля. Немедленно ставим вопрос об отчислении из института! Все, Шишин, все, и не надейтесь!

Шишин побледнел:

– Господи, что случилось?

Зойка выскочила нам навстречу, подозрительно блестя глазами.

– Ты представляешь, какую книгу он принес на замену «Термодинамике»? «Технику современного секса»! Вот такой толстенный том с иллюстрациями. А она в обложке. Ты его куда-то увела, а Нина Адамовна видит – книга бесхозная лежит, она открыла в середине – прямо на картинку попала, ну и от неожиданности... хлоп в обморок!

– Кошмар какой! – напустилась я на Шишина. – Ты что это себе позволяешь? У нее же сердце слабое!

Шишин стоял растерянный и бледный.

– Да я же не нарочно, я же не заметил, смотрю, там напи-

сано – «Техника», я и схватил, торопился очень. Ну, честное слово, я не нарочно.

– Ну, Шишин, как же твоя старенькая мама терпит, чтобы ты такие книги по дому разбрасывал?

Он посмотрел удивленно:

– Так это же мамины книги. Она же сексопатолог, – и, видя, что мы замолчали в изумлении, добавил: – Если у вас или у знакомых какие-нибудь проблемы, милости просим, мама бесплатно даст консультацию.

– Спасибо, Шишин, – Зойка листала книгу, – проблем пока нет, а книжку дай почитать.

Явились вызванные Владимиром Викентьевичем замдекана и куратор шишинской группы Алла Сергеевна. Уразумев суть проблемы, Алла Сергеевна закусила губы, а замдекана надул щеки. Проректор жаждал крови, Шишина нужно было срочно спасать.

– Владимир Викентьич, – начала я мягким голосом, – а кто отвечает за порядок в архиве?

– Как – кто? Тот, кто там работает!

– А кто там работает?

Он заткнулся на полуслове. Дело в том, что три месяца назад он уволил архивистку Галину Андреевну, просто сократил ее ставку и все. Владимир Викентьевич рассердился:

– А в чем, собственно, дело?

– А в том, – голос мой постепенно повышался, – что пойдите сами и посмотрите, что случилось в архиве.

– А что там случилось?

– Вот вы пойдите и посмотрите! Вы говорите – ЧП, Шишин виноват, а если бы не Шишин, то у вас сейчас такое было бы ЧП, что и до суда дело дошло. Там в подвале здоровенная стойка свалилась прямо мне на голову, Шишин в последний момент меня вытащил.

– Не может быть! Я тридцать лет в институте работаю, и никогда ничего в архиве не падало!

– Да? А между прочим, Шишин не только мою голову спас, но и вашу, уважаемый Владимир Викентьевич! Потому что отвечаете-то за архив теперь вы. Так что пойдите туда и убедитесь сами, что было бы, если бы Шишин не пошел сегодня со мной.

Проректор побежал в подвал, а я заглянула к Нине Адамовне:

– Нина Адамовна, как вы нас напугали! Теперь вам лучше? А то Шишина грозятся из института выгнать, а он ведь не нарочно, ошибся он.

– Что вы! Зачем же так строго наказывать? – испугалась наша старушка. – Это я просто от неожиданности...

– Нина Адамовна. – Шишин мялся в дверях.

– Ох, Шишин, сгинь с глаз моих!

Шишин мгновенно испарился. Инцидент был исчерпан. Алла Сергеевна и замдекана с каменными лицами вышли за дверь, дружно промаршировали по коридору, и я слышала их громовой хохот из-за угла. Явился растерянный Влади-

мир Викентьевич. Действительно, в архиве творилось что-то несусветное. Он смотрел на меня с таким ужасом, как будто на вставшую из могилы, что мне наконец и самой стало страшно. Спокойно могла бы сейчас лежать там с раздробленным черепом!

Зойка быстренько разогнала всех студентов, мы попили чайку, мне стало полегче. Про Алика и театр я вспомнила за полчаса до ухода с работы. Зойка помогла мне почистить серый костюм, который после происшествия в архиве выглядел не очень-то прилично. Я наскоро причесалась, накрасила губы и напоследок погляделась в зеркало. Конечно, вид совсем не тот, что был вчера, но для Алика сойдет.

Мы условились встретиться у метро, причем я нарочно подошла с противоположной стороны и спряталась за газетным ларьком. Меня очень беспокоил один серьезный вопрос: во что Алик будет одет? Если на нем опять все тот же мятый и не очень чистый джинсовый костюм, я сразу разворачиваюсь и ухожу, пока он меня не заметил. Терпеть этот костюм рядом с собой целый вечер я не в состоянии.

Я осторожно выглянула из-за ларька и не поверила своим глазам. Джинсового костюма не было и в помине, на нем были пиджак и брюки и даже белая рубашка. Правда, брюки были от одного костюма, а пиджак от другого, но это не важно, а важно было то, что Алик подстригся! Очевидно, я издала возглас удивления, потому что он повернулся ко мне

всем телом и, узнав меня, смущенно улыбнулся. Пиджак был тесен и явно резал под мышками. Бедный толстячок! Ради меня он был согласен терпеть такие мучения целый вечер! За такое героическое поведение я пойду с ним в театр, буду развлекать его в антракте приятной беседой и вообще вести себя очень прилично.

По дороге я спросила у Алика, что выяснилось насчет смерти его начальницы Ларисы Георгиевны. Не то чтобы меня это очень интересовало, но надо же было о чем-то поговорить. Алик нехотя ответил, что приходила милиция, опрашивала всех сотрудников, но в тот момент в помещении вместе с Ларисой никто находиться не мог – было время обеда. Милиция не очень-то верит в самоубийство – не такая это была женщина, чтобы вот так с бухты-барухты взять и сигануть в окно, нервы у нее были в полном порядке, это другим она умела и любила нервы мотать. Искала милиция ее недоброжелателей, но, поскольку методы ведения дел и руководства у покойной были весьма специфические, ты же сама видела, то недоброжелателей у нее среди подчиненных было хоть отбавляй, всех не пересчитаешь. Офис их находится на пятом этаже, внизу до первого тоже всяческие конторы, дверь входная открыта, никто не смотрит, любой посторонний мог зайти, его и не заметили бы. Так что милиция пока в растерянности. Сидит какой-то тип, разбирается в бумагах Ларисы, думает там хоть какую ниточку найти.

К спектаклям Романа Виктюка я отношусь с осторожно-

стью. Я не ханжа, но уж очень много голых мужчин обычно бегают у него по сцене. Однако модный режиссер, в зале – полный бомонд, дорогие билеты – все как полагается. Мне не хотелось огорчать Алика, но, по-моему, ему все это тоже не очень нравилось. В антракте я вспомнила, что ужасно хочу есть, и мы пошли в буфет. Я деликатно осведомилась у Алика, могу ли я выбирать сама, а то получится как у Зощенко – придется пирожное на место класть.

– Не волнуйся, я же сказал, что переводчикам в нашей фирме платят неплохо.

Вспомнив матушкины запреты, я назло набрала бутербродов с икрой и пирожных, а Алик взял себе просто апельсиновый сок. Понятно, все-таки жалеет денег. Сейчас будет смотреть на меня голодными глазами, а у меня кусок застрянет в горле. Но нет, он спокойно пил свой сок и вовсе не пожирал глазами мои бутерброды. Меня одолело женское любопытство. Бывает такое: знаешь, что не надо спрашивать, но не можешь удержаться.

– Алик, прости, что я задаю тебе такой прямой вопрос, но вот я наблюдаю за тобой довольно долго и теряюсь в догадках. Полные люди обычно много едят. Вот как, помнишь, у Толстого описан Пьер Безухов – «Он много и жадно ел». А у тебя все не так.

Он усмехнулся:

– А может, я дома ем ночью под одеялом.

– Неправда, я же вижу, ты к еде почти равнодушен. Но

извини, напрасно я спросила.

Он помолчал.

– Я не знаю, почему это. Я ничем серьезным не болен, если тебя это интересует. Я действительно стараюсь меньше есть, ни мучного, ни жирного давно уже не употребляю. Наши в обед в «Джокер» ходят, а я кефир пью или салатик из капусты... Ничего не помогает. – Он посмотрел на меня с грустью.

Опять мне стало его ужасно жалко. Определенно знакомство с Аликом открыло мне саму себя с совершенно иной стороны, раньше я никогда в себе не ощущала таких огромных запасов добрых чувств. Тут, к счастью, прозвенел звонок на третье действие.

Спектакль кончился довольно рано, мы вышли из театра и не спеша побрели по улице. Для середины мая погода была очень теплая. Все давно уже ходили без пальто и плащей. Вечерний воздух был свеж, Алик наконец вздохнул свободнее, он очень мучился в душном зале в тесном пиджаке.

– На метро? Пройдем дворами наискосок.

– Не заблудимся? И шпана опять привяжется.

– Ну что ты! Во-первых, в центре все-таки шпаны меньше, вернее, милиции больше, а во-вторых, это мой район, я тут с детства все знаю, вон мой дом.

Он тут же смутился, видно, испугался, не обижусь ли я, что он приглашает меня домой поздно вечером. Я сделала вид, что ничего не заметила. Мы вошли во двор, там сбоку

на маленьком пяточке приютилось несколько гаражей. Одна дверь была открыта, оттуда слышались стук и звяканье. Увидев эту открытую дверь, Алик остановился, сделал было шаг назад, но потом передумал, взял меня под руку и пошел мимо гаражей. Именно в это время из гаража вышел, заку- ривая, молодой рыжий мужик. Увидев нас, он оживился:

– О, привет, Алька, как жизнь?

– Нормально, – сухо ответил Алик.

Парень нагло оглядел меня.

– Шикарную девицу себе отхватил! Подружки нет у те- бя? – Это он уже мне.

– Есть, но сейчас не может – с внуком сидит, – немедлен- но ответила я, ненавижу, когда так нагло пялятся и сразу об- ращаются на ты.

Парень захохотал:

– Ишь, какая языкая!

Мы с Аликом хотели пройти, но он стоял на дорожке и мешал.

– Ну так как, Алька, ты подумал насчет гаража?

– Подумал и опять-таки тебе скажу – нет и нет.

– Ну вот опять снова-здорово! Уже почти договорились.

– Да ничего мы не договаривались! Не продам я гараж, и деньги твои мне не нужны.

– Ну ты какого хрена куражишься? – заорал мужик. – Те- бе, как человеку, хорошую цену предлагают, тебе же этот га- раж на фиг не нужен. Ту рухлядь, что у тебя там стоит, толь-

ко на металлолом, ты же ее никогда в жизни не починешь! И за руль не сядешь! Я же знаю...

– Ну хватит! – резко прервал его Алик. – Сказал – не продам, значит – не продам. И чтобы больше ты ко мне с этим не обращался!

– Ну ты смотри, как разговорился, ну я тебя умоляю, как перед девкой выпендриваешься! Не обращаться к нему, видишь ты! Да я к тебе больше по-хорошему обращаться и не собираюсь. Да я же про тебя все знаю, ты не успеешь еще свою задницу толстую повернуть, как я уже все справки собираю, да у меня везде знакомые. Добром не хочешь, так по-другому действовать будем!

Я посмотрела на Алика. Он застыл на месте. Опять он был бледный, только на щеках малиновые пятна, пот градом катился по его лицу. Сзади на темно-малиновой шее белел шрам, который уходил на затылок под волосы. Раньше его не было видно из-за длинных волос. Алик стоял в ступоре, чувствовалось, что он не сознает, где он и с кем.

Я поскорее схватила его за руку и потащила прочь. Нахальный мужик еще что-то хамское кричал нам вслед. Интересно, почему так получается: как мы с Аликом, так обязательно случается какой-то конфликт и я должна его спасти? Мы оставили двор далеко позади, тогда Алик понемногу успокоился и на мой вопросительный взгляд пояснил:

– Гараж у меня здесь. А он хочет приятеля своего сюда пристроить. В центре ведь гараж просто так не купишь. А

если я не хочу продавать?

– Твое право, – согласилась я, – а с машиной что?

– Машина разбита, нельзя на ней ездить.

По его тону я поняла, что дальше лучше не спрашивать, и сказала, что раз уж он здесь дома, то нет смысла тащить ему за мной на окраину города, пускай он посадит меня в такси, а сам идет домой. Алик согласился.

Дома мать и сестра не спали, ждали меня. Ведь я подряд два вечера уходила из дома, этого они не могли вынести и теперь требовали информации. Особенно интересовалась матушка, а сестра просто поостыла на работе, поняла, что утром с этим чертовым платьем перегнула палку, и теперь хотела не то чтобы извиниться, нет, этого от моей сестрицы не дождешься, но как-то наладить отношения.

– Ну что, где ты сегодня была? – Это матушка не утерпела и сама задала вопрос.

Я честно рассказала, что была в театре, что спектакль не понравился, и объяснила почему. Они слушали невнимательно, про театр им было неинтересно.

– А этот твой новый знакомый, ты с ним у Иры познакомилась? Он кто?

Я решила рассказать им про Алика, он безобидный, пускай развлекаются.

– Он переводчик. Да, Анька, он говорит, что с тобой в школе учился, в параллельном классе. Такой толстый, звать Алик.

– А фамилия?

– Ой, а фамилию-то я не помню.

– Проводишь время с человеком и не знаешь его фамилии? – возмутилась мать.

– Зато я знаю, где он живет.

– Час от часу не легче!

– Не помню я никакого толстого Алика, – задумалась сестра.

– Да ты вечно никого не помнишь!

После того как сестра развелась со своим первым мужем – бывшим одноклассником, она не очень-то поддерживает школьную дружбу, встречается только с одной подругой Катериной.

– У Катьки надо спросить, она все про всех знает. Мам, а чаю можно попить, если уж еды в доме не дают?

На самом деле есть мне не хотелось, а после бутербродов с икрой ужасно хотелось пить, но мать по вечерам и чаю не разрешала.

– Пейте бифилайф!

Сестру передернуло.

– Видеть его не могу! А знаешь, Маринка, у нас новая беда – дианетика. Сама принесла матери книгу – сама теперь будешь мучиться.

– Да, кстати, все собираюсь спросить: что же это такое – дианетика?

– О, – сестра оживилась, – это когда все едят отдельно.

Вот, например, хочешь ты съесть бутерброд, так ты сегодня ешь булку, а колбасу можно только завтра, про масло я уж не говорю, это верная смерть.

— Какая колбаса? — возмутилась матушка. — Забудьте это слово, и про булку, кстати, тоже забудьте. И прекратите издеваться над дианетикой! Вот скоро Валентина Михайловна прочтет эту книгу, и мы начнем новую жизнь.

Все матушкины завихрения насчет здорового образа жизни начались два года назад, когда в санатории она познакомилась с Валентиной Михайловной. Она тогда вся была под впечатлением новой подружки. «Ах, какая замечательная женщина, как следит за собой! Гораздо старше меня, а выглядит моложе». На мой взгляд, эта Валентина Михайловна выглядела не очень-то — обычная сушеная вобла далеко не первой молодости с жилистой шеей и кровавым маникюром на костлявых руках. Но мать была от нее без ума. Как-то в порыве откровенности сестра призналась мне, что ее голубая мечта — это придушить Валентину Михайловну, и тогда кончатся наши мучения. Мать снова будет все есть и вкусно готовить, а то Славка уже на пределе, а сама сестра приходит поздно и готовить не успевает.

Мы с сестрой посетовали на нашу горькую жизнь, пытались убедить матушку, что дианетики мы не вынесем, но мать твердо стояла на своем, видно, Валентина здорово держала ее в своих цепких лапах.

Выклянув у матушки по чашке чаю, мы еще немного

мирно побеседовали и разошлись. В нашей семейке редко выпадает такой спокойный вечер.

Уже лежа в постели и погасив свет, я внезапно ощутила легкое беспокойство. Что-то меня тревожило, какое-то несоответствие сегодня насторожило. Закрыв глаза, я перебрала в уме события сегодняшнего вечера и вспомнила слова Алика, что он никогда не ходит обедать с сотрудниками в бистро «Джокер», а ест что-нибудь некалорийное прямо на рабочем месте. Значит, и в тот день, в понедельник, он не уходил, а оставался с Ларисой в офисе один на один? Не может быть, милиция наверняка проверила всех сотрудников в первую очередь.

С этой мыслью я заснула.

* * *

— Черт, опять какая-то зараза лампочку вывернула... темень в подъезде, хоть глаз выколи... ноги бы не переломать...

В крошечной темноте подъезда щелкнула зажигалка, вспыхнул маленький желтый язычок пламени.

— Вот спасибо, хоть мне посветили, а то ступенек не видеть, недолго и навернуться.

— Это точно.

— Что-то я вас в темноте не признаю. Ты, что ли, Паша?

— Это не Паша.

Огонек чуть переместился, выхватив из темноты мужское лицо.

— А-а, вот это кто... А чего надо-то? Чего в моем подъезде ошиваешься? В гости ко мне?

— По делу.

— Значит, по делу надумал?

— Да, знаешь, спать я спокойно хочу.

— А я-то при чем? Как по телику говорят: заплати налоги — и спи себе спокойно.

— Да ты шутник, как я погляжу, а мне вот не до шуток. Что-то я, брат, нервничаю. Что-то ты такое про меня знаешь...

— Да ты что несешь-то? Что, совсем сдурел? Ты с ножом-то не балуй! Чем я тебе помешал... А-ах, больно же, сволочь... За что ты меня. Я же ничего про дела твои...

— Может, и не знаешь, а так как-то спокойнее. Сам же говорил: заплати — и спи спокойно.

— А-а-ах...

Кровь хлынула изо рта, рыжий здоровый мужчина последний раз всхлипнул, как ребенок, и медленно сполз по грязной стене подъезда. На пол он упал уже мертвым.

На следующий день почти прямо с утра мне на работу позвонил Максим. Едва раздался телефонный звонок, я уже знала, что это он.

— Добрый день, могу я поговорить с Мариной Ракитиной?

– Здравствуй, Максим, это я.

– Марина? – Он замолчал, как будто удивился, что застал меня на месте, а потом быстро проговорил: – Я встречу тебя сегодня после работы, поедem на дачу к моему приятелю, ты во сколько освободишься?

Это был его обычный метод, раньше, два года назад, он всегда так делал – звонил мне и назначал место и время, я всегда должна была быть в полной боевой готовности. Но прошло два года, я отвыкла от Максима и не могла вот так сразу включиться в прежний ритм. Я прижала трубку к губам и тихо ответила:

– Прости, пожалуйста, Максим, но сегодня вечером я никак не могу.

– Что? – Он страшно удивился, потом стал просить, уговаривать, даже настаивать. Но, как я уже говорила, я очень упряма. Сказав «нет», я не меняю своих решений.

«Идиотка! – кричал во мне мой внутренний голос. – Сейчас он попрощается, и больше ты его никогда не увидишь!»

«Ну и пусть, – отвечала я самой себе. – А так он попрощается со мной завтра утром и опять исчезнет на два года. И что тогда будет со мной? Опять нахлынет жуткая тоска. Нет, я буду сопротивляться до последней возможности».

В голосе Максима послышались недовольные нотки, потом он смягчился, сказал, что позвонит мне завтра, если не уедет в Москву, и повесил трубку. Не успела я отойти от телефона, как опять раздался звонок.

– Маринка, привет! Я не вовремя?

– О Господи, тетя Надя, мы же сто лет не виделись!

– Вот именно, – ворчливо сказала тетя Надя, – если я не позвоню, то ты и не вспомнишь.

– Да ладно тебе, что у вас нового?

– У нас все по-старому. Откровенно говоря, я вчера видела тебя в театре, вспомнила, что у меня есть любимая племянница, и решила позвонить.

Тетя Надя, Надежда Николаевна, была двоюродной сестрой моего отца, они дружили, но когда отец умер, тетя Надя как-то постепенно перестала у нас бывать. С матушкой они никогда не были особенно близки, сестру она здорово недолюбливала, говорила, что Анька – страшная эгоистка. Анька платила ей тем же, всегда отзываясь о ней в разговоре с каким-то пренебрежением, считала неудачницей. Еще бы – с мужем развелась, растит ребенка одна, работает простым инженером – нет, такие родственники мою сестрицу не устраивали.

Мне тетя Надя нравилась. Поскольку родственники проедали мне всю плешь о том, что женщина не должна жить одна, что обязательно надо выйти замуж, я приводила им в пример тетю Надю – вот, пожалуйста, живет человек один и ничего, характер спокойный, на людей не бросается. Сестра пренебрежительно махала рукой, а матушка возражала, что все-таки у Надежды есть ребенок. «Ну уж нет, – отвечала я. – Этого вы от меня не дождетесь, чтобы мой ребенок рос без

отца. Лучше совсем никого не надо – ни мужа, ни детей».

Наши споры прекратились сами собой, когда тетя Надя шесть лет назад вдруг неожиданно вышла замуж. Ее дочка Алена жила уже на Севере, была там замужем за военным моряком, и тетя Надя тут быстро нашла себе мужа. Очень она меня подвела, потому что матушка с сестрицей как с цепи сорвались.

– Вот видишь, – говорила мать и больше ничего не добавляла, – вот видишь...

Из-за этих разговоров я сначала очень не любила тети-Надиного мужа Сан Саныча, хотя, если сказать по совести, он довольно симпатичный дядечка. Приличный такой мужчина, постарше ее, весь из себя аккуратный, дома по хозяйству все делает, к ней хорошо относится. Мы стали видеться с тетей Надей гораздо реже, а последние несколько лет встречались буквально считанные разы. Поэтому вся история с Максимом была тете Наде неизвестна, хотя единственный человек, с кем я могла бы поделиться, – это она.

– Ну так что, Маринка, как у тебя дела?

– Да я ничего, а что ты вчера к нам не подошла?

Она промолчала, и я поняла, что она постеснялась навязываться, увидев, что я не одна.

– Ну и как тебе мой спутник?

– Да я его толком не разглядела, – замялась тетя Надя.

Все ясно: не понравился. Да и кому понравится этакая туша?

– Ты не бойся, тетя Надя, он мне никто.

– Да? Ну и бог с ним. Ты давай, заходи в гости.

– Когда?

– Да хоть сегодня. – И, зная, что мне хочется поболтать с ней наедине, тетя Надя добавила: – Сегодня вечер свободный, у Сан Саныча лекции.

Я немного подумала и решила, что чем я буду сидеть дома и изводиться, позвонит завтра Максим или не позвонит, я лучше навещу тетю Надю.

Ближе к концу работы позвонил еще Алик, поинтересовался моим настроением и самочувствием. Я сказала, что чувствую себя прекрасно, и быстро с ним распрощалась, пока он не успел меня еще куда-нибудь пригласить. Зойка уже перестала удивляться на мое поведение.

Мы чудно посидели с тетей Надей, перебрали косточки всем родственникам. Она сказала, что я хорошо выгляжу, оживленная и посвежевшая. Сама не знаю, почему я начала разговор про Алика.

– Ну что, тетя Надя, не понравился тебе мой кавалер?

– Да как тебе сказать... Уж очень вид у него такой... тюфяковый. Но я, конечно, никого не хочу обидеть, – спохватилась она, – если он тебе нравится...

– Да ничего он мне не нравится, он просто меня в театр пригласил. Я и пошла, неудобно было отказаться.

Тетя Надя внимательно на меня посмотрела и вдруг сказала:

– Во всяком случае, это явно не тот человек, для которого ты стащила у сестры французское платье.

Вот те раз! Ведь я же сама как дура жаловалась ей на Аньку и рассказала про платье. Да, нашей тете Наде палец в рот не клади, все видит насквозь. И я вдруг рассказала ей про Максима, не все, конечно, а в самых общих чертах. Но, думаю, она обо всем догадалась – сложила в уме два и два, вспомнила, какая я была жалкая два года назад, и все поняла.

– И вот теперь он вернулся, а тут еще этот Алик. Как это у Островского? «Не было ни гроша, да вдруг алтын»? Это про меня.

– А это всегда так бывает, – засмеялась тетя Надя. – Мужики чувствуют, если кто-то у тебя есть, и сразу как мухи на мед слетаются. Но я тебе вот что скажу: лучше два, чем ни одного, а еще лучше – три!

– Да куда мне их – солить, что ли? Мне и с двумя-то не разобраться. Каждый вечер где-то хожу, собой заняться некогда. Как думаешь, в какой цвет мне покраситься?

От метро я обычно иду к дому наискосок, дворами, мимо школы и строящегося дома. Там и всегда-то малоллюдно, а сейчас было довольно поздно, и на пути мне не попалось вообще ни души. На сердце было тревожно, казалось, что меня ждет что-то плохое. Я как могла гнала от себя эти предчувствия и дурные мысли, но позднее время и безлюдный пустырь не способствовали оптимизму. Проходя мимо

стройплощадки, я остановилась, чтобы вытряхнуть камешек из туфли. Это задержало меня на несколько секунд и, возможно, спасло мне жизнь.

Надев туфлю, я пошла вперед, и тут из-за угла вылетела темная машина с погашенными фарами и на огромной скорости помчалась прямо на меня. Я отскочила назад, еле успев увернуться. Не задержись я из-за камешка – быть мне под колесами. Машина, яростно взвизгнув тормозами на вираже, исчезла за углом, а я долго не могла отдышаться. Ноги подгибались, руки тряслись, в общем, я впала в панику. Нет, нервы надо лечить. Хотя у кого угодно сдадут нервы, если под машину чуть не угодишь...

Я отдышалась, успокоилась, пригладила волосы, чтобы домашние ничего не заметили, – матушку волновать никак не хотелось, себе дороже. Но матушка, открыв мне дверь, сразу же заподозрила неладное и не отстала до тех пор, пока я не рассказала ей про машину.

– Ездят какие-то ненормальные, или пьяный там за рулем был!

Дома никого не было: сестра с Дашкой поехали навестить другую Дашкину бабушку, она болеет, не выходит из дома, и очень просит, чтобы Дашку привозили к ней хотя бы раз в три месяца. Славка, как всегда, работал. Матушка так за меня испугалась, что наступила сама себе на горло и предложила поужинать.

– Спасибо, мама, я у тети Нади была, есть не хочу.

– Ну, как она?

– Выглядит отлично, тебе привет передавала.

– Вот видишь, – начала было матушка, но, заметив, что я встала и собираюсь идти в свою комнату, прервалась, посмотрела на меня очень серьезно и тихо сказала: – Ты вот обижаешься, что я тебя пилю, замуж выпихиваю, а это ведь я не просто так, чтобы поворчать или из дому выгнать. Ты не понимаешь, Маринка, что годы-то проходят. Может, и встретишь в сорок лет своего единственного, а что толку? И захочешь любви, а все уже не то, молодость прошла.

– Где же я сейчас мужа возьму, если нету?

– Да ладно, может, и правильно, раз никто не нравится, то и не надо.

– Мам, а что ты сама замуж не вышла? Ведь уже десять лет прошло, как отец умер.

Матушка засмеялась:

– Ох, Маринка, настоящий муж у женщины должен быть только один. Зачем мне замуж выходить, если у меня настоящий уже был? Одиночество в этой семейке мне не грозит, вечно полон дом народу.

– А как же Анька со своими мужьями?

– Анька! – Мать пренебрежительно махнула рукой. – Дурит что-то Анька.

Я даже рот разинула – первый раз в жизни матушка критиковала сестру. Вошла Лолита, поглядела на меня презрительно.

«Предательница! – говорил ее взгляд. – Как ты посмела там, в гостях, брать на колени этого мерзкого рыжего кота и принести в дом ненавистный запах?!»

– Лолиточка, прости, пожалуйста, этот рыжий Бейсик сам уселся ко мне на колени и нарочно наляпал шерстью на юбку!

Лолита негодуя фыркнула и гордо удалилась.

– Пойду новости посмотрю, пока девочек нет, – собралась матушка, – там похороны Подрезова показывать будут.

– Ох, опять про Подрезова! Ну что, не нашли убийцу?

– Да никого не нашли, говорят, что у Подрезова столько дел разных было, пока все проверят.

На экране уже шли кадры похорон. Играла траурная музыка, цветы, венки – ничего интересного, и я ушла в ванную. Когда я вернулась, действие еще не кончилось. Подрезов в нашем городе был очень известен, у него была своя передача, многие им восхищались – такой принципиальный, болеет за город! Мне лично Подрезов не очень нравился. Меня корбила его манера общения с людьми на экране телевизора, манера, прямо скажем, хамская. Но раз человек убит, убийца должен быть пойман и наказан – с этим никто не спорит.

После показа похорон был комментарий. Ведущий здорово катил бочку на органы МВД, на прокуратуру и городскую администрацию.

– Доколе? – вопрошал он. – До каких пор будет продолжаться это планомерное истребление людей, говорящих с

экрана правду и только правду? Когда же кончится этот форменный геноцид?

Показали кусочек его беседы с каким-то ответственным милицейским чином. Ведущий просто наскакивал на него, как бойцовый петух, и задавал вопросы тоже в абсолютно недопустимой хамской манере. Чувствовалось, что дело Алексея Подрезова в надежных руках.

Замотанный, с кругами под глазами милиционер отвечал вяло, держался скованно. Было заметно, что на него и так уже повешали всех собак и попало ему уже отовсюду, так что свой позор перед экраном он переживал довольно спокойно.

– Было ли это заказное убийство и если да, то кто заказчик? – спрашивал ведущий.

– Нет, – отвечал милиционер, – это не похоже на заказное убийство. Те обычно стреляют, а тут стукнули по голове и выбросили на шоссе. Можно было бы предположить ограбление, потому что преступник забрал бумажник и папку с документами, но тогда преступник должен быть Подрезову хорошо знаком, потому что какой же нормальный человек сейчас подсаживает в машину незнакомых, тем более за городом? Граждане! – обратился к телезрителям милиционер, кажется, он был подполковник. – Пользуясь случаем, хочу предупредить. Не вступайте ни в какие отношения с незнакомыми людьми, не подсаживайте никого в машину. Польстившись на какой-нибудь полтинник, можно потерять

здоровье и даже жизнь.

На этом интервью с милицейским подполковником закончилось.

— И напоследок еще одна печальная новость, — сказал ведущий. — Вчера был убит наш коллега, тоже сотрудник Санкт-Петербургского телевидения Иван Ладуненко. Он был поздно вечером зарезан ножом в собственном подъезде. Мы выражаем соболезнование семье покойного. Ладуненко не был таким известным человеком, как Алексей Подрезов. Он просто водил телевизионный автобус с аппаратурой. Конечно, милиция опять будет говорить про ограбление и хулиганство, но не пора ли соответствующим органам всерьез задуматься над тем, что происходит?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.